
«Коренной народ какого государства?»: ингерманландские финны в контексте российской этнической политики

В.Р. АНДРИАНОВ*

*Виталий Ростиславович Андрианов – младший научный сотрудник, Центр социокультурных и этноязыковых исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, vrandrianov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4770-5396>

Цитирование: Андрианов В.Р. (2026) «Коренной народ какого государства?»: ингерманландские финны в контексте российской этнической политики // Мир России. Т. 35. № 2. С. 151–169. DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-2-151-169

Аннотация

В статье рассматриваются стратегии этноязыкового развития национальных меньшинств Российской Федерации без территориальной автономии. Анализируя несовпадение этноязыковых и административных границ, автор исследует положение групп, находящихся за пределами титульных регионов или своих государств либо не имеющих таковых. Опираясь на анализ языковой политики в качестве основного аналитического инструмента, исследование раскрывает сложные процессы конструирования этнической идентичности в данных условиях. Эмпирическую основу работы составляют материалы антропологических экспедиций в регионы Северо-Запада России. На примере российских финнов-ингерманландцев показано, как формируется языковая политика сообщества через анализ языковых идеологий, практик и планирования.

Автор статьи делает два ключевых вывода. Во-первых, сообщества, существующие в режиме экстерриториальной этнокультурной автономии, вынуждены опираться на поддержку акторов как внутри, так и за пределами своего региона. Это создает фундаментальную проблему: если государство не признает этническую группу автохтонной в современных границах России, ее доступ к формальным механизмам поддержки ограничивается. Во-вторых, уязвимость усугубляется, когда идентичность сообщества предполагает сохранение устойчивых связей с другими политическими нациями. Это может привести к ситуации, когда этнические меньшинства, исторически сформировавшиеся и проживающие в России, рискуют быть воспринятыми как нелояльные вследствие

В данной научной работе использованы результаты проекта «Язык, литература и культура в историческом и социальном измерении», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Статья поступила в редакцию в апреле 2025 г.

примордиального подхода государства к пониманию этничности. В качестве возможного решения автор видит более гибкую интерпретацию региональными властями категории «коренной народ» на своей территории, что могло бы способствовать поддержке нетитульных групп и создавать предпосылки для их интеграции в общероссийскую идентичность.

Ключевые слова: *ингерманландские финны, языковая политика, конструирование идентичности, управление этнокультурным многообразием, нации, автономия, национальная политика*

Введение

В июне – сентябре 2025 г. в сообществе “Pietarin Inkerin Liitto”¹ в социальной сети «ВКонтакте» появилось несколько сообщений о том, что Гатчинская городская прокуратура неоднократно предупреждала некоего заинтересованного гражданина, что использование ингерманландского флага² при проведении финского праздника Юханнус может «в условиях внешнеполитических угроз привести к дестабилизации ситуации, возникновению очагов опасности на межнациональной почве»³. Прокуратура объясняла это утверждение следующим образом: движение «Свободная Ингрия» относится к «Форуму свободных государств постРоссии», при этом это движение и его структурные подразделения признаны в Российской Федерации террористическими. На какую-либо связь (прямую или косвенную) названного террористического сообщества с российскими финнами прокуратура не указывала. В развитие этой дискуссии один из пользователей сообщества поделился скан-копией письма из Федерального агентства по делам национальностей, в котором сообщалось, что ингерманландский флаг не может быть отнесен ни к экстремистской символике, ни к террористической. Этот небольшой эпизод актуализирует вопросы взаимодействия российских этнических меньшинств и государства. Но для того чтобы понять, как российские финны-ингерманландцы связаны с проблемами сепаратизма, необходимо проанализировать историю российских финнов, а также попытаться понять их место в структуре российской этнополитики.

Ингерманландские финны (ингерманландцы) – это народ, проживающий на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области, которая соответствует исторической области Ингерманландия. После перехода этого региона по Столбовскому миру к Швеции в 1617 г. началась его колонизация финскими крестьянами, чему способствовали высокий естественный прирост, а также миграция в период нахождения Финляндии в составе Российской империи, и к концу XIX в. в Санкт-Петербургской губернии проживало приблизительно 130 тыс. финнов

¹ «Санкт-Петербургское общество ингерманландских финнов», интернет-сообщество российских финнов-ингерманландцев.

² Желтый флаг с синим «скандинавским» крестом с красной окантовкой.

³ Pietarin Inkerin Liitto (2025) // ВКонтакте. 2 июня 2025 г. // vk.com/pietarininkerinliitto?w=wall-74004096_20737, дата обращения 01.03.2026.

[Мусаев 2004, с. 26]. Согласно ряду исследований, большинство российских финнов являются потомками переселенцев XVII в. [Ступин 2014; Мусаев 2004], и в переписях, кроме 1926 г., ингерманландцы учитывались как просто «финны»⁴.

Снижение численности российских финнов началось в первой половине XX в.: в 1930-х гг. национальные финские колхозы ликвидировали; помимо этого, на компактное проживание ингерманландцев повлияли предвоенные депортации. После Второй мировой войны многие ингерманландцы смогли вернуться, но уже не в Ленинградскую область, а в Карелию, где финский язык до сих пор сохранил статус официального [Мусаев 2004; Закон Республики Карелия 2004], хотя в конце 1920-х система образования на финском языке серьезно пострадала из-за антирелигиозных кампаний [Кулха 2020]. Более того, общая численность российских финнов резко сократилась из-за депортаций 1930–1940-х гг. (высланы примерно 40 тыс.) [Мусаев 2004, с. 242–276] и программы репатриации 1990–2011 гг. (около 30 тыс. переехали в Финляндию) [Филимонов 2015]. По данным Ю.А. Ступина, с 1939 по 2010 г. их численность снизилась с 120 тыс. до 7,7 тыс. чел. [Ступин 2014, с. 121]. По данным всероссийской переписи населения, в 2020–2021 гг. в России проживали всего 7 778 финнов, из которых только 623 чел. назвали себя «ингерманландцами», «инкери» или «финнами-ингерманландцами». Если говорить о географическом распределении сообщества, то существует три основных кластера – Республика Карелия (3 397 финнов), Ленинградская область (1 381 финн), Санкт-Петербург (1 061 финн).

Важным вопросом в контексте истории ингерманландского сообщества является полемика о принадлежности российских финнов к финской нации и об ингерманландской идентичности. Эту проблематику описывает не столько содержание, сколько название статьи ингерманландского активиста и российского историка А.И. Кирьянена «Ингерманландские финны – коренной народ какого государства?»⁵. Даже сами некоторые ингерманландцы отмечают, что вопрос, как правильно называть себя – «ингерманландцы» или «ингерманландские финны» – остается дискуссионным: «Я предпочитаю “ингерманландские финны”. Очень многие называют нас “ингерманландцами”, но я не сторонник такого названия» (м., 51 лет, Санкт-Петербург).

Показательно, что в материалах всероссийской переписи населения 2020–2021 гг. существуют как минимум пять вариантов учета ингерманландцев – «финны», «суоми», «финны-ингерманландцы», «ингерманландцы», «савакот». Вариант «финны» для государства был и остается базовым, обобщающим еще с советского периода, а «финны-ингерманландцы», «ингерманландцы», «савакот» идут в скобках после собственно «финнов». Как отмечают сами ингерманландцы: если в советский период, общаясь на финском языке, они противопоставляли в своем языке “*inkeriläiset*” («финны-ингерманландцы», от финского названия Ингерманландии “*Inkerinmaa*”) и “*suomalaiset*” («финны» из Финляндии, от финского названия Финляндии “*Suomi*”), то на русском, а также в паспортах, они значились просто «финны».

В рамках нашего исследования мы фокусируемся на практиках основных агентов конструирования этнического сообщества, причем использование

⁴ В настоящей статье термины «ингерманландцы», «финны-ингерманландцы» и «ингерманландские финны» используются для обозначения всех российских финнов.

⁵ Статья размещена в разделе «Вечная тема» в одном из выпусков газеты «Инкери» [Кирьянен 2010].

категорий в этих процессах играет значимую роль. Целью данной работы является ответ на вопрос: каким образом в системе российской этнополитики происходит взаимодействие с государством этнических групп, которые не определяются российским государством эксплицитно как автохтонные, но которые сформировались в России как отдельное от других политических наций сообщество?

Российский подход к управлению этнокультурным многообразием: ключевые принципы и лакуны

Российская Федерация – государство, включающее многочисленные субъекты с национальным компонентом – республики, которые в дискурсе нередко называют «национальными»; автономные округа; автономные области. В диалоге с федеральными властями они представляют интересы титульных этнических групп [Тишков, Шабаетов 2011, с. 221]. Федеральному центру постоянно приходится решать задачу поддержания баланса между интересами различных региональных групп, поэтому этнический фактор в региональной политике обязательно учитывается [Туровский 2005, с. 130]. Однако параллельно с развитием системы этнофедерализма в России конструируется российская нация, форма общероссийской идентичности, которая становится объединительной для всех этнических групп [Тишков 2018, с. 21]. Историк А.И. Миллер пишет, что в России в ходе реализации такой политики возникла целая группа политически мобилизованных этнических групп, часть которых обладает территориальной автономией и, самое главное, идентичностью, требует предоставления атрибутов политической нации по европейскому образцу – государственного языка, суверенитета, четко закрепленной территории (цит. по: [Тишков 2021]). Однако с представлениями А.И. Миллера не согласен профессор В.А. Тишков, полагая, что, во-первых, внутри одной нации может существовать несколько других, а во-вторых, само понятие «нация» имеет слишком много трактовок [Тишков 2021]. Существующая система требует особого внимания государства к сфере межэтнических отношений, а также гибкого подхода к различным группам меньшинств.

В России объектами и субъектами управления этнокультурным многообразием являются *меньшинства* и *коренные народы*. Первые – это совокупность этнических, религиозных и языковых меньшинств (относительно русского большинства), ко вторым относятся коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (КМНС), причем эти понятия нельзя противопоставлять. Термин «коренной народ» используется еще со времен СССР: именно тогда в рамках советской национальной политики современные КМНС были выделены как отдельная категория этнических групп [Соколовский 2016, с. 28–34]. Тема развития и поддержки коренных народов в российском контексте изучена сравнительно хорошо [Вахтин 1993; Головнев, Киссер 2022], при этом ситуация с меньшинствами существенно иная: несмотря на то, что они также находятся в фокусе внимания ученых, исследования в этой области во многом посвящены проблемам федерализма либо отдельным регионам [Паин, Мижит-Доржу 2024; Черныш 2024; Тишков 2019].

И меньшинства, и коренные народы в России обладают двумя видами автономии – территориальной и экстерриториальной [Калашников 2020, с. 2; Анисимов 2018, с. 29]. Если территориальная автономия предполагает наличие отдельного административного субъекта с этнической спецификой, то экстерриториальная автономия сущностно представляет собой право этноязыкового сообщества на частичную автономию в сфере этнокультурной и этноязыковой политики.

В советское время не все народы обладали собственными республиками: по мнению советского руководства, некоторые народы были «недостаточно развиты» для провозглашения права на самоопределение и суверенитет (коренные народы Севера [Слезкин 2008]), а некоторые, уже имея суверенные государства (поляки, немцы, корейцы), проживали на территории Советского Союза, пользуясь правом самоуправления на муниципальном уровне, но без атрибутов государственности. В итоге в 1930-х гг. и институт локальной автономии был последовательно ликвидирован [Мартин 2011, с. 447–452]. При этом нет оснований считать, что наличие или отсутствие собственной территориальной автономии всегда является решающим фактором или условием для сохранения какой-либо этноязыковой общности. Однако этот фактор остается важным при анализе практик национальной политики в качестве набора мер по этноязыковому развитию как внутри этнического сообщества, так по отношению к сообществу со стороны государства.

Методология и данные исследования: языковая политика в контексте исследований управления этнокультурным многообразием

Не только конкретные практики управления и решения правительства, но и дискурс в этой области позволяет судить об эксплицитных и имплицитных целях и задачах государства, о проблемах, с которыми сталкиваются субъекты и объекты политики в сфере управления этнокультурным многообразием. Поэтому мы предлагаем сфокусироваться на языковой политике как на сфере публичной политики. Языковая политика как элемент общей стратегии государства тесно связана с другими областями политики, главным образом с регулированием межэтнических отношений [Вахтин, Головки 2004]. Например, исследование языкового законодательства позволяет проследить динамику общероссийских этнополитических процессов [Паин, Мижит-Доржу 2024; Черныш 2024]; изучение роли языка в региональной экономике становится базой для выводов о стратегиях поддержки языков меньшинств [Хилханова 2022а]. К.Ю. Замятин внес существенный вклад в развитие дискуссии о том, как следует исследовать языковую политику, которая в России изучается по большей части лингвистами, и значительная часть данных об этноязыковых процессах остается не рассмотренной с точки зрения общего понимания политики [Замятин 2023, с. 45–46]. Об эпистемологическом изменении в сфере исследований языковой политики говорят и западные исследователи, которые отмечают, что вопросы языкового планирования важно изучать не только в качестве части проблем развития

мультилингвизма и защиты миноритарных языков, но и как вопросы властных отношений между группами внутри государства [Sonntag, Cardinal 2015; Gazzola 2023]. Такое понимание позволит проанализировать вопросы языковой политики с точки зрения политического процесса: вне зависимости от того, как мы определяем этническую группу (с точки зрения конструктивизма или примордиализма), в сфере национальной политики действующими субъектами будут выступать сравнительно узкие группы людей, которые претендуют на выражение коллективных этнических интересов, в том числе и в вопросах защиты языковых прав. В нашем случае к такой группе относятся преимущественно ингерманландские финские активисты: именно они являются политическими акторами, взаимодействующими с государством и конструирующими этническое сообщество.

В рамках нашего исследования ключевым словом в словосочетании «языковая политика» представляется слово «политика». В целом, языковая политика – это любая деятельность, направленная на изменение языковой ситуации (в рамках какой-то социальной группы или на определенной территории). Согласно предложенной лингвистом Б. Спольски системе [Spolsky 2004, pp. 8–14], анализ языковой политики предполагает исследование трех компонентов:

1. языковое планирование – это осознанное вмешательство в языковую ситуацию через конкретные действия (от государственных решений до выбора языка в семье). Оно осуществляется конкретными акторами на всех уровнях (от семьи до межгосударственных объединений);
2. языковые практики – это реальное использование языка людьми, все многообразие вариантов в конкретном сообществе. Как отмечает Б. Спольски, «Языковые практики – это то, как люди на самом деле говорят» [Spolsky 2004, p. 14];
3. языковые идеологии – это представления этнического или языкового сообщества о том, на каком языке и как следует говорить; что считать этническим, родным или «чужим» языком.

В исследованиях этнической идентичности и ценностных установок языковой политики языковым идеологиям уделяется заслуженное внимание, поэтому эта исходно социолингвистическая переменная нашла применение в других дисциплинах, в первую очередь, в социокультурной антропологии [Хилханова 2022b; Рыжков 2023].

Основой эмпирических данных исследования стали материалы полуструктурированных интервью. В 2022–2024 гг. в ходе четырех экспедиций в регионы российского Северо-Запада (в первую очередь в Санкт-Петербург и Ленинградскую область и Республику Карелия) исследовательскими группами НИУ ВШЭ были собраны материалы об этнических и языковых процессах в этих регионах: в фокусе исследований находились вопросы развития этнической идентичности карел и российских финнов.

Предварительный анализ трудов историков и наших этнографических материалов показал, что это сообщество в настоящий момент действительно имеет статус экстерриториальной автономной этнической группы в российской системе национальной политики, что создает особые стратегии адаптации этнических меньшинств в контексте этнополитики. Этот вывод сделан на основе анализа материалов полуструктурированных интервью с представителями самого

ингерманландского сообщества – активистами этнических общественных организаций, религиозными деятелями, а также с представителями муниципальных и региональных властей, которые включены в решение вопросов этнополитики на локальном и региональном уровнях.

Исследование носит качественный характер и основано на 54 полуструктурированных интервью с 50 информантами. Сбор данных проводился по гайду, который включает два основных тематических блока – этнический и языковой активизм ингерманландских организаций, а также вопросы этнической идентичности. Выборка имеет ряд ограничений: в ней преобладают люди старшего поколения (средний возраст – 64 года); кроме того, значительная часть данных была собрана весной 2022 г., что исключило по этическим соображениям прямые (но не косвенные) вопросы о политических отношениях России и Финляндии (хотя информанты нередко самостоятельно поднимали тему взаимосвязи Финляндии и ингерманландской идентичности). Несмотря на то, что интервью содержали социолингвистический компонент, общая задача проекта заключалась не в анализе языковой ситуации как таковой, а в изучении практик этноязыковой политики в исследуемых регионах.

Ингерманландские финны и языковая политика: анализ языковых практик, идеологий и планирования

*Языковые практики:
какие языки используются в сообществе и для чего*

Языковые практики (во многом это социолингвистическая категория) тесно связаны с практиками этнокультурной политики ингерманландских финнов. Сегодня преобладающий язык российских финнов – русский, он является основным для большинства, кроме самых пожилых людей, и данные переписи подтверждают это: из 7 778 российских финнов русский язык в повседневном общении пользуются 7 684 чел. Однако, концентрируя внимание именно на ингерманландском сообществе, можно выявить, что финский язык используется в трех следующих сферах:

1. в этнокультурной и религиозной сферах язык используется на праздниках и культурных мероприятиях. Литературный финский остается языком богослужений в Церкви Ингрии, но и здесь он постепенно отступает на второй план из-за увеличения числа русскоязычных прихожан;
2. в трансграничной сфере финский применяется в общении с жителями Финляндии, с которыми установлены дружеские или семейные связи;
3. в повседневной жизни ингерманландские диалекты финского языка используются пожилыми ингерманландцами.

Что касается передачи языка, то современные ингерманландцы стараются обучать детей литературному финскому, но не в семье, а в учебных заведениях, и это связано с распространенностью смешанных браков и ассимиляцией.

*Языковые идеологии
и язык этнической идентичности*

В языковых идеологиях ингерманландцев зафиксированы два финских языка – литературный финский язык, распространенный в Финляндии, и ингерманландский диалект или отдельный ингерманландский язык. Лингвисты не выделяют единый ингерманландский диалект [Муслимов 2009], однако у ингерманландского сообщества есть представления о собственном родном, этническом языке, который отличается от литературного финского.

«Я не могу сказать, что это финский язык. Так, диалект. В советское время мы не слышали такого <...> “официального языка”. Я научилась говорить по-ингерманландски. Финским его трудно назвать» (ж., 61 год, Санкт-Петербург).

Другой важный фактор языковой политики ингерманландского сообщества – представления о роли литературного финского языка. Мы считаем, что среди ингерманландских активистов существует консенсус (аргумент в пользу нашего суждения мы представим несколько ниже, когда рассмотрим языковые практики) относительно значения и функции литературного финского языка для сообщества. Литературный финский стал основным «национальным языком». Продолжая разговор об идеологиях, отметим, что для сообщества именно литературный финский представляется языком, владение которым демонстрирует этническую идентичность в условиях ассимиляции.

«Я так думаю, что наш язык уже давно исчез. На финском языке существует великая литература, на этом языке существует великий кинематограф, с этим языком можно поехать туда и учиться, на этом языке можно поехать туда и работать» (м., 66 лет, Санкт-Петербург);

«А другого пути сейчас пока нет, потому что, если люди находят в себе, чувствуют в себе эту самоидентичность, именно принадлежность к финнам – у кого-то фамилия, кто-то начинает искать – у него какое-то внутреннее самосознание появляется, он идет учить финский язык. Это здорово, это хорошо, и пускай будет это литературный» (м., 50 лет, Гатчина).

Такие представления о литературном финском демонстрируют, что у ингерманландцев есть потребность в этническом языке; и он должен быть отличным от русского, потому что принятие русского языка в качестве этнического будет означать ассимиляцию. Для удовлетворения этой потребности используется литературный финский язык, поскольку он полностью соответствует той части ингерманландской национальной мифологии, которая подразумевает родство ингерманландцев с финнами (но все еще не обязательно принадлежность к финской нации). Однако множественные ингерманландские идиомы не были кодифицированы,

равно как нет возможности их преподавать и системно воспроизводить, в отличие от литературного финского. Согласно М.Н. Губогло, литературный финский стал языком этнической мобилизации [Губогло 1998, с. 345].

Языковое планирование сообщества и ключевые акторы

Языковое планирование ингерманландского сообщества во многом основывается на работе институциональных субъектов, куда включены, например, Церковь Ингрии и сеть локальных некоммерческих организаций, таких как Санкт-Петербургское общество ингерманландских финнов “Pietarin Inkerin Liitto” (организация действует еще с конца XX в.); гатчинская организация “Inkeri-Seura”; карельское региональное общество «Карелия – Финляндия» (больше не функционирует) и другие. Работа этих организаций сориентирована на поиск ресурсов для проведения мероприятий, направленных на этнокультурную поддержку ингерманландского сообщества, включая организацию преподавания финского языка и проведение национальных праздников⁶.

Государство, а точнее государства, также задействованы в языковой политике ингерманландского сообщества, с одной стороны, поддерживая инициативы ингерманландцев, с другой – превращая ингерманландцев в объекты собственных стратегий. Так, в ст. 21 Конституции Республики Карелия [Конституция Республики Карелия 2001] и в ссылающейся на эту статью региональной государственной программе Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» от 2018 г. тоже упоминаются финны [Государственная программа Республики Карелия 2018]. Заметим, что эта программа уже оперирует региональным понятием «коренной народ Республики Карелия» и нормативным понятием «коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», и именно на их поддержке государство фокусируется в первую очередь. Помимо этого, утвержденная в 2024 г. государственная программа реализации государственной национальной политики на территории Республики Карелия [Постановление Правительства Республики Карелия 2024] фиксирует, какие этнические сообщества считаются на территории Карелии коренными – карелы, вепсы, поморы, заонежане и пудожане; одновременно в документе упоминается финский язык, но не сами финны. Впрочем, сравнительно высокий уровень поддержки для ингерманландцев в Карелии подтверждается не столько государственным дискурсом, сколько конкретными мерами. Если мы обратим внимание на направления грантовой поддержки Фонда грантов Главы Республики Карелия, то увидим, что финны находятся на одном уровне поддержки с карелами и вепсами, хотя финны для Карелии – некоренной народ⁷.

До 2022 г. еще одним важным субъектом этнокультурной политики в этом регионе оставалась Финляндия: в 1990-е гг. российско-финляндские связи суще-

⁶ Например, в 2022 г. при Петрозаводском лютеранском приходе Святого Духа работали курсы финского языка.

⁷ Второй конкурсный отбор Республики Карелия 2024 года // Фонд Президентских грантов // https://xn--80af5akm8c.xn--p1ai/data/grants/view/grant_karelia_2_2024, дата обращения 19.03.2025.

ственно расширились, и ингерманландцы, воспринимаемые финским обществом в Финляндии как часть финской нации, являлись объектом финляндской внешней политики.

«У нас был такой счастливый период, когда мы могли получать поддержку из Финляндии на преподавание финского языка на начальном уровне. Поэтому были времена, когда мы в год имели по 400, например, и больше студентов. Теперь, к сожалению, ничего бесплатного не осталось» (м., 66 лет, Санкт-Петербург).

В 2025 г. в результате кризиса отношений между Россией и Европейским Союзом, а также особого обострения двусторонних российско-финляндских отношений поддержка сообщества со стороны Финляндии существенно уменьшилась, а местами полностью прекратилась. Например, в 2024 г. перестала функционировать карельская региональная общественная организация «Общество дружбы “Карелия – Финляндия”», которая при поддержке и карельского правительства, и финских организаций организовывала проекты по поддержке ингерманландских финнов. Руководитель организации, один из активистов ингерманландского движения, создал другую организацию, которая в настоящее время занимается поддержкой всех этнических групп Карелии.

Выводы и дискуссия

Ингерманландцы не претендуют на территориальную автономию, и нет оснований считать, что она повлияла бы на их демографическое и языковое развитие. Анализ языковой политики показывает, что сообщество формирует контуры такой политики, ищет ресурсы для ее реализации, при этом государство (местами государства) оказывает поддержку в силу своих возможностей. Таким образом, ингерманландское сообщество действительно обладает правом экстерриториальной автономии в вопросах этнокультурного развития в России. Однако именно структурный анализ языковой политики ингерманландцев демонстрирует, что существует противоречие, переходящее из сферы языковой политики в пространство национальной политики, – неопределенность в принадлежности ингерманландского сообщества. С одной стороны, сообщество воспроизводит культурные практики, направленные на поддержание финского компонента коллективной идентичности. Эта стратегия характерна, скорее, для мобилизованной диаспоры, которая действует в теснейшей координации со своей исторической родиной [Артеев 2023]. С другой стороны, как уже отмечалось, не все ингерманландцы разделяют уверенность в том, что российские финны являются частью финской нации. Последнее подтверждается как рядом заявлений активистов, так и некоторыми нашими полевыми данными, на которые мы ссылались выше.

Некоторые ингерманландские активисты видят практическое решение такого противоречия в присвоении ингерманландцам статуса коренного малочисленного народа России.

«Для чего нам статус коренного малочисленного народа? Дайте нам возможность изучать хотя бы литературный финский язык, скоро нас останется, как ижоры и води, – по несколько сотен человек» (м., 50 лет, Гатчина).

Это позволило бы ингерманландцам претендовать на большую поддержку со стороны российского государства в области этнокультурной политики. Кроме того, численность ингерманландского сообщества позволяет изучить этот вариант: общее количество финнов в России и тем более общая численность ингерманландцев не превышают 50 тыс. чел., что является одним из основных критериев получения статуса коренных малочисленных народов Севера. Мы не можем спрогнозировать конкретный эффект от присвоения ингерманландцам статуса КМНС, однако предполагаем, что это имело бы символическое значение для самого сообщества.

Ингерманландское финское меньшинство российскими властями воспринимается как еще одно сообщество, у которого есть свое собственное национальное государство: в советский период ингерманландские финны также рассматривались как часть финской нации. О таком отношении советской власти к ингерманландцам, на наш взгляд, свидетельствуют отсутствие попыток стандартизации ингерманландских идиомов и использование в ходе коренизации литературного финского. Проблема усугубляется в ситуации, когда государство может расценить этническое меньшинство как сообщество, которое должно поддерживаться другим государством (хуже – недружественным). Если ингерманландцы (по представлению российских властей) – часть финской нации, то их поддержкой должна заниматься Финляндия, что выводит ингерманландцев из российского дискурса коренных народов. Кроме того, статус коренных малочисленных народов Севера в России выполняет не только символические функции: сам федеральный закон о КМНС посвящен во многом и регулированию традиционных форм хозяйственной деятельности, однако какая форма хозяйственной деятельности является традиционной для ингерманландцев – открытый вопрос, на который у нас нет ответа.

Свою статью мы начали с отсылки к событию, произошедшему в Гатчине, который проиллюстрировал противоречия, возникшие между ингерманландцами и представителями власти, и мы полагаем, что уместно вернуться к этому эпизоду.

Мы позволим себе более смелое утверждение: сфера этнической политики – это еще и сфера политического противостояния. Параллельно с «финской» ингерманландской идентичностью в Санкт-Петербурге формировалась другая ингерманландская идентичность. П.В. Крылов детально проанализировал движение так называемых «русских ингерманландцев» или «неоингерманландцев», которое сформировалась в Ленинградской области с начала 1990-х гг. [Крылов 2012]. Это общественное движение преследовало задачу конструирования не этнической, но региональной идентичности, маркерами которой стали сине-желтый флаг ингерманландских финнов и атрибуты, используемые ингерманландскими финнами (топонимика «Ингрия» и «Ингерманландия») не в качестве понятий из исторической географии, а как «правильных» современных названий для Ленинградской области. Согласно П.В. Крылову неоингерманландцы противопоставляются именно ингерманландским финнам, так как неоингерманландцы заимствуют

национальную атрибутику российских финнов для создания собственного общественного движения, направленного на достижение политических целей. И мы предполагаем, что именно к неоингерманландцам делала отсылку Гатчинская городская прокуратура.

Примечателен и другой кейс: старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности Академии управления Министерства внутренних дел России А.В. Корниленко в статье о развитии сепаратизма в России пишет о феномене «ингерманландского сепаратизма» и действующих в рамках этого течения экстремистских сообществах, деятельность которых направлена на сецессию Ленинградской области и на продвижение интересов внешнеполитических субъектов, враждебных Российской Федерации [Корниленко 2024]. Автор отмечает, что идеология ингерманландского сепаратизма пусть и претендует на этнический компонент, но в реальности не отстаивает интересов каких-либо этнических групп, в том числе и финнов-ингерманландцев.

Два вышеуказанных кейса – лишь частные случаи взаимодействия государства и ингерманландцев, но они хорошо демонстрируют, что недостаточное внимание к национальной политике (и в вопросах использования этнической символики) может провоцировать риски дискриминации. Несколько ингерманландских финских активистов высказывали нам свои опасения, которые связаны с существованием таких параллельных идентичностей: *«С флагом, который мы зарегистрировали как свой официальный символ еще в советское время, на оппозиционные митинги ходят все подряд, а органы-то потом приходят к нам. Мы-то тут причем?»* (м., 50 лет, Гатчина). Цитата относится к марту 2022 г., но, как показывает иллюстрация из начала статьи, и в 2025 г. ситуация не поменялась.

Решением такого противоречия могут быть более гибкий подход регионального законодательства и перспектива присвоения ингерманландцам статуса коренного народа Ленинградской области. Выработка соответствующего механизма поддержки дала бы большие возможности, чем существуют сейчас, а также символически подтвердила бы, что российские власти рассматривают ингерманландцев как российскую этническую группу. Здесь даже не требуется обращаться к зарубежному опыту: например, в Республике Дагестан есть институт коренных народов Республики Дагестан, куда включены, например, и азербайджанцы [Постановление Государственного совета Республики Дагестан 2000]. Частично этот вопрос решен в Карелии, где финны не являются ни титульным народом, ни коренным, но все равно претендуют на высокий уровень государственной поддержки.

С другой стороны, для государства важно, чтобы населяющие его сообщества не выказывали лояльность по отношению к другим (возможно, недружественным) странам, причем в такой ситуации сообществу также необходимо демонстрировать как приверженность к общероссийской идентичности, так и лояльность государству.

Финны-ингерманландцы – это далеко не единственное этническое сообщество в России, которое существует в «нетитульном» регионе. В похожем статусе находятся, например, татары, башкиры или коми за пределами своих титульных республик. Под иностранным патронажем находились сахалинские корейцы и российские немцы. У названных сообществ существуют покровительствующие субъекты, но опыт ингерманландцев демонстрирует, что зависимость от такого внешнего субъекта делает сообщество потенциально уязвимым. Это выводит

из «пакта элит» (см. [Мочалов 2017, с. 30]) между федеральными и региональными (в том числе этническими) элитами те группы, которые не находятся под патронажем другого государства или другого российского региона, что создает потенциальную почву для нестабильности.

В данном случае изменение подхода государства к вопросу признания этнической группы может не только поспособствовать кооптации этнического меньшинства, но также «огосударствить» этническую символику российских финнов, лишив потенциально экстремистские сообщества символики (в случае с ингерманландским флагом), сделав ее составным элементом общероссийской «нации наций». Остающиеся на периферии различных политических наций этнические сообщества рискуют оказаться в положении, когда для получения материальных ресурсов на собственные этнокультурные проекты им придется демонстрировать «двойную» лояльность по отношению как к России, так и к другой стране, которая окажет поддержку своей диаспоре. Само по себе это явление широко распространено, однако в случае с теми сообществами, чья национальная (в смысле *nation*) идентичность остается неясной, это будет препятствовать интеграции в общероссийскую идентичность.

Список источников

- Анисимов А.И. (2018) Формы реализации права народов на самоопределение в условиях федеративного устройства России // Юридические исследования. № 2. С. 27–33. DOI: 10.25136/2409-7136.2018.2.25357
- Артеев С.П. (2023) Этнокультурные и диаспоральные миры // Семенов И.С. (ред.) Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля. М.: Весь Мир. С. 154–165.
- Вахтин Н.Б. (1993) Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Европейский дом.
- Вахтин Н.Б., Головкин Е.В. (2004) Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге.
- Всероссийская перепись населения (2020). Том 5: Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики // https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami, дата обращения 26.03.2025.
- Второй конкурсный отбор Республики Карелия 2024 года (2024) // Фонд Президентских грантов // https://xn--80af5akm8c.xn--plai/data/grants/view/grant_karelia_2_2024, дата обращения 19.03.2025.
- Головнев А.В., Киссер Т.С. (2022) Коренные малочисленные народы: ракурсы и статусы // Этнография. Т. 3. № 17. С. 6–32. DOI: 10.31250/2618-8600-2022-3(17)-6-32
- Государственная программа Республики Карелия «Этносоциальное и этнокультурное развитие территорий традиционного проживания коренных народов» (2018) // Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия // <https://nac.gov.karelia.ru/about/11121/>, дата обращения 26.03.2025.
- Губогло М.Н. (1998) Языки этнической мобилизации. М.: Языки русской культуры.
- Закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» от 17 марта 2004 г. № 759-ЗРК (2004) // Официальный интернет-портал правовой информации // <https://docs.cntd.ru/document/919316706?ysclid=mj1smzsuz6893713835>, дата обращения 26.03.2025.

- Замятин К.Ю. (2023) Исследования языковой политики как публичной политики в российской и мировой науке // Социалингвистика. Т. 3. № 15. С. 29–52. DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-29-52
- Калашников К.Н. (2020) Национально-культурные автономии в современной России: проблемы представительства и эффективности // Вопросы территориального развития. Т. 8. № 3. С. 1–19. DOI: 10.15838/tdi.2020.3.53.4
- Кирьянен А.И. (2010) Ингерманландские финны – коренной народ какого государства? // Инкери. № 73. С. 7 // https://www.inkeri.ru/wp-content/uploads/paper/inkeri2010_2.pdf?ysclid=mj1m2uck78378653653, дата обращения 27.03.2025.
- Конституция Республики Карелия от 12.04.2001 (2001) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=121068094&backlink=1&&nd=121003082&rdk=30&refoid=121068146>, дата обращения 27.03.2025.
- Корниленко А.В. (2024) Сепаратистский проект «Свободная Ингрия» как угроза отделения северо-западных регионов России // Философия права: научно-теоретический журнал. № 1. С. 186–191 // <https://cyberleninka.ru/article/n/separatistskiy-proekt-svobodnaya-ingriya-kak-ugroza-otdeleniya-severo-zapadnyh-regionov-rossii/viewer>, дата обращения 27.03.2025.
- Крылов П.В. (2012) «Спор за ингерманландское наследство»: конструирование ингерманландской идентичности традиционная финно-угорская культура и неингерманландский оксидентализм в Санкт-Петербурге и Ленинградской области // Международный журнал исследований культуры. Т. 6. № 1. С. 66–75 // <https://cyberleninka.ru/article/n/spor-za-ingermanlandskoe-nasledstvo-konstruirovaniie-ingermanlandskoy-identichnosti-traditsionnaya-finno-ugorskaya-kultura-i/viewer>, дата обращения 27.03.2025.
- Кулха К.К. (2020) Жизнь при советской власти // История ингерманландских финнов. СПб.: Гйоль. С. 424–446.
- Мартин Т. (2011) Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН.
- Мочалов А.Н. (2017) Территория, этничность и феномен многонациональных государств // Научный ежегодник Института философии и права УО РАН. Т. 17. № 4. С. 33–52. DOI: 10.17506/ryipl.2016.17.4.3352
- Мусаев В.И. (2004) Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX веке. СПб.: Нестор-История.
- Муслимов М.З. (2009) К классификации финских диалектов Ингерманландии // Мызников С.А. (ред.) Вопросы уралистики. Научный альманах. СПб.: Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед., Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, Ин-т народов Севера. С. 179–204.
- Паин Э.А., Мижит-Доржу В.Ш. (2024) Политика сохранения языкового многообразия в России: декларируемые цели и реальная практика. Случай республик Южной Сибири // Мир России. Т. 33. № 4. С. 66–93. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-66-93
- Постановление Государственного Совета Республики Дагестан от 18.10.2000 № 191 (2000) // Garant.ru // <https://base.garant.ru/26500150/>, дата обращения 27.03.2025.
- Постановление Правительства Республики Карелия «Об утверждении государственной программы Республики Карелия «Реализация государственной национальной политики на территории Республики Карелия» от 21 февраля 2024 г. № 51-П (2024) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://publication.pravo.gov.ru/document/1000202402260002>, дата обращения 26.03.2025.
- Постановление Правительства Российской Федерации «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 24 марта 2000 г. № 255 (2000) // Официальный интернет-портал правовой информации // <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065057>, дата обращения 26.03.2025.

- Рыжков А.М. (2023) Языковые идеологии и конструирование карельской этничности // Этнографическое обозрение. № 6. С. 139–155. DOI: 10.31857/S086954152306009X
- Слезкин Ю.Л. (2008) Арктические зеркала. М.: НЛЮ.
- Совет при Губернаторе Ленинградской области по межнациональным отношениям (2021) // Правительство Ленинградской области // <https://lenobl.ru/ru/gubernator/sovety-i-komissii/sovet-pri-gubernatore-leningradskoj-oblasti-po-mezhnacionalnym-otnoshe/>, дата обращения 19.03.2025.
- Соколовский С.В. (2016) Политика признания коренных народов в международном праве и в законодательстве Российской Федерации. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.
- Ступин Ю.А. (2014) Эволюция ареала расселения финнов-ингерманландцев на территории Северо-Запада России во второй половине XX века // Балтийский регион. № 4. С. 110–125. DOI: 10.5922/2074-9848-2014-4-7
- Тишков В.А. (2018) Концептуальная динамика этнополитики в России (от Горбачева до Путина) // Вестник российской нации. № 6. С. 9–30 // <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2642.pdf>, дата обращения 19.03.2025.
- Тишков В.А. (2019) Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. Т. 89. № 4. С. 408–412. DOI: 10.31857/S0869-5873894408-412
- Тишков В.А. (2021) Нация, национализм и нациестроительство // Россия в глобальной политике. Т. 19. № 2. С. 42–62. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62
- Тишков В.А., Шабаев Ю.П. (2011) Этнополитология. Политические функции этничности. М.: МГУ.
- Туровский Р.Ф. (2005) Бремя пространства как политическая проблема России // Логос. Т. 46. № 1. С. 124–171 // <https://www.ruthenia.ru/logos/number/46/05.pdf>, дата обращения 19.03.2025.
- Филимонов А.В. (2015) «Ингерманландцы» в Псковской области (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) // Метаморфозы истории. № 6. С. 27–33 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ingermanlandtsy-v-pskovskoy-oblasti-konets-1940-h-nachalo-1950-h-gg/viewer>, дата обращения 19.03.2025.
- Хилханова Э.В. (2022a) Экономика языка и многоязычие: опыт исследования в Татарстане. Научный результат // Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т. 8. № 2. С. 52–65. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4
- Хилханова Э.В. (2022b) Языковая установка и языковая идеология в западной и российской науке: о разграничении понятий // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 148–162 // <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-ustanovka-i-yazykovaya-ideologiya-v-zapadnoy-i-rossiyskoy-nauke-o-razgranichenii-ponyatij/viewer>, дата обращения 19.03.2025.
- Черныш М.Ф. (2024) Языковой вопрос и языковая политика в современном обществе // Мир России. Т. 33. № 4. С. 94–109. DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-94-109
- Gazzola M. (2023) Language Policy as Public Policy // Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning (eds. Gazzola M., Gobbo F., Johnson D.C., Leoni de León J.A.), Cham: Springer International Publishing, pp. 41–71.
- Sonntag S.K., Cardinal L. (eds.) (2015) State Traditions and Language Regimes, Montreal: McGill-Queen's University Press.
- Spolsky B. (2004) Language Policy, Cambridge: Cambridge University Press.

“Indigenous to Which State?”: Ingrian Finns in the Context of Russian Ethnic Policy

V.R. ANDRIANOV*

*Vitaly R. Andrianov – Junior Researcher, Centre for Sociocultural and Ethnolinguistic Studies, HSE University, Moscow, Russian Federation; vrandrianov@hse.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4770-5396>

Citation: Andrianov V.R. (2026) “Indigenous to Which State?”: Ingrian Finns in the Context of Russian Ethnic Policy. *Mir Rossii*, vol. 35, no 2, pp. 151–169 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2026-35-2-151-169

Abstract

This article examines strategies for ethnolinguistic development among national minorities in the Russian Federation that lack territorial autonomy. By analyzing the misalignment between ethnolinguistic and administrative boundaries, the author investigates the situation of groups located outside their “titular” regions (or home states), as well as those without such a status. Using language policy analysis as the primary analytical framework, the study reveals the complex processes of ethnic identity construction under these conditions.

The empirical foundation of the research is based on materials from anthropological expeditions to regions of Northwestern Russia. Using the case of Ingrian Finns in Russia, the article demonstrates how community language policy is shaped by language ideologies, practices, and planning. The author draws two key conclusions. First, communities operating under a regime of extraterritorial ethnocultural autonomy are compelled to rely on support from actors both within and beyond their region. This creates a fundamental problem: when the state does not recognize an ethnic group as autochthonous within Russia’s contemporary borders, its access to formal support mechanisms becomes constrained.

Second, this vulnerability is exacerbated when community identity construction involves establishing stable connections with other nations. This can lead to a situation where ethnic minorities historically formed and residing in Russia risk being perceived as disloyal due to the state’s primordialist approach to ethnicity. As a potential solution, the author proposes a more flexible interpretation by regional authorities of the “indigenous peoples” category within their territories. Such an approach could facilitate support for non-titular groups and create conditions for their integration into the all-Russian identity.

Keywords: *Ingrian Finns, language policy, identity construction, management of ethno-cultural diversity, nations, autonomy, ethnic policy*

The results of the project “Language, literature and culture in historical and social perspective”, carried out within the framework of the Basic Research Program at HSE University, are presented in this work.

The article was received in April 2025.

References

- All-Russian Population Census (2020). Volume 5: National Composition and Language Proficiency. *Federal State Statistics Service*. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Anisimov A.I. (2018) Forms of Exercising the National Right to Self-Determination under Russian Federative Structure. *Legal Studies*, no 4, pp. 27–33 (in Russian). DOI: 10.25136/2409-7136.2018.2.25357
- Arteev S.P. (2023) Ethno-cultural and Diasporic Worlds. *Identity: Personality, Society, Politics. New Contours of the Research Field* (ed. Semenenko I.S.), Moscow: Ves Mir, pp. 154–165 (in Russian).
- Chernysh M.F. (2024) The Language Issue and Language Policy in a Modern Society. *Mir Rossii*, vol. 33, no 4, pp. 94–109 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-94-109
- Constitution of the Republic of Karelia of 12.04.2001 (2001). *Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=121068094&backlink=1&&nd=121003082&rdk=30&refoid=121068146>, accessed 27.03.2025 (in Russian).
- Council under the Governor of the Leningrad Region on Interethnic Relations (2021). *Government of the Leningrad Region*. Available at: <https://lenobl.ru/ru/gubernator/sovety-i-komissii/sovet-pri-gubernatore-leningradskoj-oblasti-po-mezhnacionalnym-otnoshe/>, accessed 19.03.2025 (in Russian).
- Filimonov A.V. (2020) The “Ingrians” in Pskov Oblast (End of 1940’s – Beginning of 1950’s). *Metamorphoses of History*, no 6, pp. 375–382. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ingermanlandtsy-v-pskovskoy-oblasti-konets-1940-h-nachalo-1950-h-gg/viewer>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Gazzola M. (2023) Language Policy as Public Policy. *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning* (eds. Gazzola M., Gobbo F., Johnson D.C., Leoni de León J.A.), Cham: Springer International Publishing, pp. 41–71.
- Golovnev A., Kisser T. (2022) Indigenous Minorities: Perspectives and Statuses. *Etnografija*, vol. 3, no 17, pp. 6–32 (in Russian). DOI: 10.31250/2618-8600-2022-3(17)-6-32
- Guboglo M.N. (1998) *Ethnic Mobilization Languages*, Moscow: Russian Culture Languages (in Russian).
- Kalashnikov K.N. (2020) National Cultural Autonomies in Modern Russia: Problems of Representation and Efficiency. *Territorial Development Issues*, vol. 8, no 3, pp. 1–19 (in Russian). DOI: 10.15838/tdi.2020.3.53.4
- Khilkhanova E.V. (2022a) Language Economy and Multilingualism: The Case of Tatarstan, Research Result. *Theoretical and Applied Linguistics*, vol. 8, no 2, pp. 52–65 (in Russian). DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-2-0-4
- Khilkhanova E.V. (2022b) Language Attitudes and Language Ideologies in Western and Russian Scholarship: The Differentiation of Concepts. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no 3, pp. 148–162. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-ustanovka-i-yazykovaya-ideologiya-v-zapadnoy-i-rossiyskoy-nauke-o-razgranichenii-ponyatiy/viewer>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Kiryänen A.I. (2010) Ingermanland Finns – Indigenous People of What State? *Inkeri*, no 73, p. 7. Available at: https://www.inkeri.ru/wp-content/uploads/paper/inkeri2010_2.pdf?ysclid=mj1m2uck78378653653, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Kornilenko A.V. (2024) The Separatist Project “Free Ingria” as a Threat of Secession of Russia’s Northwestern Regions. *Philosophy of Law: Scientific-Theoretical Journal*, no 1, pp. 186–191. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/separatistskiy-proekt-svobodnaya-ingriya-kak-ugroza-otdeleniya-severo-zapadnyh-regionov-rossii/viewer>, accessed 26.03.2025 (in Russian).

- Kulha K.K. (2020) Life under Soviet Rule. *History of Ingrian Finns*, Saint Petersburg: Guillol, pp. 424–446 (in Russian).
- Krylov P.V. (2021) “The Dispute over the Ingrian Heritage”: The Construction of Ingrian Identity, Traditional Finno-Ugric Culture, and neo-Ingrian Occidentalism in St. Petersburg and Leningrad Oblast. *International Journal of Cultural Research*, vol. 6, no 1, pp. 66–75. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spor-za-ingermanlandskoe-nasledstvo-konstruirovaniye-ingermanlandskoy-identichnosti-traditsionnaya-finno-ugorskaya-kultura-i/viewer>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Law of the Republic of Karelia ‘On State Support of the Karelian, Vepsian and Finnish Languages in the Republic of Karelia’ of 17 March 2004, No. 759-ZRK. *Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/919316706?ysclid=mj1smzsuz6893713835>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Martin T. (2011) *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*, Moscow: ROSSPEN (in Russian).
- Mochalov A. (2017) Territory, Ethnicity and Phenomenon of Multinational State. *Antinomies*, vol. 17, no 4, pp. 33–52 (in Russian). DOI: 10.17506/ryipl.2016.17.4.3352
- Musaev V.I. (2004) *Political History of Ingria in Late XIX–XX Century*, Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).
- Muslimov M.Z. (2009) To the Classification of Finnish Dialects of Ingria. *Questions of Uralistics. Scientific Almanac* (ed. Myznikov S.A.), Saint Petersburg: Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistic Research, Herzen Russian State Pedagogical University, Institute of the Peoples of the North. A.I. Herzen, Institute of the Peoples of the North, pp. 179–204 (in Russian).
- Pain E.A., Mizhit-Dorzhu V.Sh. (2024) The Policy of Preserving Linguistic Diversity in Russia: Declared Goals and Real Practice in the Republics of Southern Siberia. *Mir Rossii*, vol. 33, no 4, pp. 66–93 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2024-33-4-66-93
- Resolution of the Government of the Republic of Karelia ‘On Approval of the State Programme of the Republic of Karelia “Implementation of the State National Policy on the Territory of the Republic of Karelia” of 21 February 2024, No. 51-P (2024). *Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1000202402260002>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Resolution of the Government of the Russian Federation “On the Unified List of Indigenous Minorities of the Russian Federation” of 24 March 2000, No. 255 (2000). *Official Internet Portal of Legal Information*. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102065057>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Resolution of the State Council of the Republic of Dagestan from 18.10.2000 № 191 (2000). *Garant.ru*. Available at: <https://base.garant.ru/26500150/>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Ryzhkov A.M. (2023) Language Ideologies and the Construction of Karelian Identity. *Ethno Review*, no 6, pp. 139–155 (in Russian). DOI: 10.31857/S086954152306009X
- Second Competitive Selection of the Republic of Karelia 2024 (2024). *Presidential Grants Fund*. Available at: https://xn--80af5akm8c.xn--plai/data/grants/view/grant_karelia_2_2024, accessed 19.03.2025 (in Russian).
- Slezkin Yu.L. (2008) *Arctic Mirrors*, Moscow: NLO (in Russian).
- Sokolovsky S.V. (2016) *Recognition Policy towards Indigenous Peoples in International Law and Russian Legislation*, Moscow: IEA RAS (in Russian).
- Sonntag S.K., Cardinal L. (eds.) (2015) *State Traditions and Language Regimes*, Montreal: McGill-Queen’s University Press.
- Spolsky B. (2004) *Language Policy*, Cambridge: Cambridge University Press.
- State Programme of the Republic of Karelia “Ethno-social and Ethno-cultural Development of Territories of Traditional Residence of Indigenous Peoples” (2018). *Ministry of National and Regional Policy of the Republic of Karelia*. Available at: <https://nac.gov.karelia.ru/about/11121/>, accessed 26.03.2025 (in Russian).

- Stupin Yu.A. (2024) The Evolution of Settlement Areas of Ingrian Finns in Northwest Russia in the Second Half of the 20th Century. *Baltic Region*, vol. 22, no 4, pp. 93–106 (in Russian). DOI: 10.5922/2074-9848-2014-4-7
- Tishkov V.A. (2018) Concept Dynamics in Russian Ethnic Policy (from Gorbachev to Putin). *Bulletin of Russian Nation*, no 6, pp. 9–30. Available at: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document2642.pdf>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Tishkov V.A. (2019) Russia’s Identity: Grand Challenges. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, vol. 89, no 4, pp. 408–412 (in Russian). DOI: 10.31857/S0869-5873894408-412
- Tishkov V.A. (2021) Nation, Nationalism and Nation-building. *Russia in Global Affairs*, vol. 19, no 2, pp. 42–46 (in Russian). DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-2-42-62
- Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. (1998) *Ethnopolitics. Political Functions of Ethnicity*, Moscow: Moscow State University (in Russian).
- Turovsky R.F. (2005) The Burden of Space as a Political Problem in Russia. *Logos*, vol. 46, no 1, pp. 124–171. Available at: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/46/05.pdf>, accessed 26.03.2025 (in Russian).
- Vakhtin N.B. (1993) *Indigenous People of the Russian North*, Saint Petersburg: European House (in Russian).
- Vakhtin N.B. Golovko E.V. (2005) *Sociolinguistics and Sociology of Language*, Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg (in Russian).
- Zamyatin K.Yu. (2023) Research on Language Policy as Public Policy in Russian and World Science. *Sociolinguistics*, vol. 15, no 3, pp. 29–52 (in Russian). DOI: 10.37892/2713-2951-3-15-29-52